

лошадиной упряжи' и *огніво* 'железное кольцо – грузило у невода' и 'деталь конской сбруи: кольцо, через которое продевают повод оброти' (ср. выше польск. *ogniwo* 'звено цепи' и чеш. *ohnivo* 'кружок'). С точки зрения восстановления способа образования слова *зга* особое значение имеет (из тех материалов) волог. *сгіна* 'деталь конской сбруи: кольцо, через которое продевается повод' (В-Уст, Стрелка) и 'железное кольцо – грузило у невода' (У-Куб, Тавлаш). Последовательность словообразовательных актов теперь может быть уточнена: *съгнути – съгинати – сьгина – сьга > зга*. Завершение формирования слова было возможно только после падения редуцированных.

В отношении семантики примечательно узкотерминологическое значение слова (только термин гужевого транспорта) и употребление носителями диалекта слова *сгина* во фразеологизме: «Говорили раньше: Домой идти пора, уж вороного коня в поле не видать. А на лошади едешь, дак говоришь: Эка темень, *згины не видно*» (В-Уст, Харамзино).

Сопоставляя приведенные материалы и наблюдения относительно фразеологизмов *не видеть стезю* и происхождения и семантики слова *зга* 'кольцо у дуги', можно реконструировать историю фразеологизма *ни зги не видно* следующим образом. Для характеристики слепоты начиная с древнерусского периода (см. выше о белорусском соответствии) употреблялось образное словосочетание: *не видѣти стезю/стежи*. Но слово *стежа* сохранялось в языке в конкретном значении, что препятствовало фразеологизации выражения. В сфере гужевой терминологии после падения редуцированных появился термин *згина / зга* 'кольцо у дуги', на основе которого в крестьянской среде сложилось образное выражение *не видно згины / зги*. Это могло быть одним из опытов образного обозначения плохой видимости, столь существенной для возниц: ср. слова кучера Селифана в «Мертвых душах» Гоголя: «Вот, барин, время-то какое, кнута не видишь, такая потьма». С XVII в. в России в связи с совершенствованием средств сообщения развивается ямская повинность крестьян. Возникли условия для выхода элементов профессионального языка крестьян-ямщиков в более широкую социальную среду путешественников. Новое для них выражение *не видеть зги* было близко по значению и звучанию к старому *не видеть стезю*, но имело явные преимущества как выразительное средство: оно обозначало не состояние больного человека, а погодные условия, и для горожан и вообще лиц не крестьянского сословия не было терминологически ограниченным, а потому могло развиваться семантически и далее. Таким образом, произошла подстановка нового слова в старый фразеологизм. Этому способствовало, очевидно, и осознание в старой форме книжности слова *стежа*, которое если не заменялось словом *зга*, то вытеснялось формой *стега*.

Н.В. Галинова ИЗ СЕВЕРНОРУССКИХ ДИАЛЕКТНЫХ ЭТИМОЛОГИЙ II

Материалом для настоящих заметок послужили диалектные лексемы – дериваты близких по значению праславянских корней со значениями 'гнуть', 'вертеть', 'крутить'. В статью включены, во-первых, слова, не рассматривавшиеся в этимологической литературе, во-вторых, такие лексические факты, для которых предлагаются новые этимологические версии, в-третьих, слова, подтверждающие высказанные ранее этимологические решения. Источник материала – картотека Топонимической экспедиции Уральского университета [ЛК ТЭ] по территории Русского Севера (Архангельская и Вологодская области).

Войка, паволька

Лексемы *войка* ‘соломенный жгут для утепления дверей’ и *паволька* ‘пучок соломы для процеживания пива’, функционирующие в вологодских говорах, не фиксируются диалектными словарями и отмечены только в картотеке ТЭ.

По сути, данными словами обозначается одна реалия – скрученный пучок соломы, которая представляет собой типичный объект номинации для дериватов корней со значениями *витья* (ср. рус. диал. *витюк* ‘пучок соломы для утепления дверей’, *вьюшка* ‘соломенный жгут для процеживания пива’ [ЛК ТЭ]).

Для лексемы *войка* следует предположить производность от корня **voi-* ‘вить’ – эта версия не встречает возражений со стороны фонетики или словообразования. Эта лексема представляет собой весьма редкий случай бесприставочного образования на базе огласовки **voi-* (как отмечает В.А. Меркулова, данный вариант корня функционирует, как правило, в связанном виде). Кстати, таким же словообразовательным раритетом, вероятно, является слово *вой* ‘выпуклость, неровность, бугорок (о льде)’ [ЛК ТЭ] (с точки зрения структуры ср. *вой* ‘переплет’ < **viti*²).

Слово *паволька* представляет собой образование на базе корня **voi-* с помощью приставки *па-* (в словах с этой приставкой возможно ударение на первый слог, ср. *пáберега*, *пáжить* и т. п.). Появление *л’* на месте *ј* в корне вполне объяснимо (чередование *ј ≈ л* характерно для фонетики говоров Русского Севера), ср. слово *сво́ли* ‘ободок у корзины’ [ЛК ТЭ], для которого в единственном числе может быть восстановлена форма *своль* (исходной следует считать форму **свой* = префикс *с-* + корень *вой* < **viti*³).

Вёрпы

Лексема *вёрпы* (*вёртины*, *вёрпушки*) ‘морщины’ (зафиксированная только в материалах ЛК ТЭ на территории Вологодской области) представляет собой, по всей видимости, один из раритетных дериватов корня **вьrp-//*vorp-* ‘вертеть’. К продолжениям этого корня, зафиксированным в материалах ТЭ, следует отнести также рус. диал. *верпéть* с производным от ‘вертеть’ значением ‘кипеть, бурлить’³. Что касается огласовки **vorp-*, то в нашем материале отмечено слово *воропáй*, *воропáйчик* ‘мальчик, пацан’, ‘детеныш тюленя, нерпы’ (ср. макед. *врапий* ‘проворный, шустрый’, а также блр. диал. *воропáй* ‘слепец’⁴); данные значения объединяются семьей подвижности, вертлявости, характерной для дериватов корней с исходной семантикой верчения.

Возвращаясь к вопросу о производности слова *вёрпы* от **вьrp-*, попытаемся обосновать семантическую сторону данной версии. Дериваты глаголов со значением ‘вертеть’ могут развивать значение ‘сморщиться’, ср. словен. *svrétí* ‘сморщиваться, собираться в складки’ (< **вьrp-*)⁵. В качестве доказательства «от противного» можно привести также лексему *нёвороть* ‘молодая кожа у человека’ (< **vort-*): думается, мотивационное значение этого слова подразумевает противопоставление молодой кожи старческой, морщинистой.

При интерпретации рассматриваемых слов можно предполагать также влияние со стороны рус. литер. *свербéть* ‘чесаться, зудеть’ → покрываться язвами, прыщами → быть морщинистым.

¹ См.: Меркулова В.А. [Рецензия] // Общеславянский лингвистический атлас, 1981. М., 1984. С. 359. Рец. на кн.: Тураускі слоўнік. Т. I: А–Г / Склад. А.А. Крывіцкі, Г.А. Цыхун, І. Я.Яшкін. Мінск, 1982

² См.: Там же.

³ См.: Меркулова В.А. Русские этимологии III // Этимология, 1977. М., 1979. С. 101.

⁴ См.: Там же. С. 97.

⁵ См.: Куркина Л.В. Словенско-восточнославянские лексические связи // Этимология, 1970. М., 1972. С. 101.

Перея́вка, перея́ка

Слова *перея́вка* 'межа между покосами' и *перея́ка* 'небольшое пространство, промежуток между деревнями' не зафиксированы диалектными словарями. Вероятно, данные лексемы можно квалифицировать как дериваты архаичного глагола **ękti* 'гнуть, сгибать' (гнездо этого корня представлено единичными дериватами [см.: ЭССЯ, 6, 61]). С формальной точки зрения эта версия не встречает препятствий, а в плане семантики данные формы соотносятся со значением лексемы *зау́к* 'заулок, закоулок', которую Ж.Ж. Варбот считает продолжением **ękti*'. Ср. также *кули́га* (< **kul-* 'гнуть') 'рукав пожни', 'межа между покосами' [ЛК ТЭ]. Ж.Ж. Варбот указывает, что у дериватов глагола **ękti* может появляться значение 'промежуток' (ср. рус. литер. *ячейка* < **ękti*) ← 'отверстие'. Этот признак, вероятно, и положен в основу лексем *перея́вка*, *перея́ка*.

Однако смущает следующее обстоятельство: этимологизируя укр. диал. слово *перея́ка* 'перегородка', И.П. Петлева предполагает для него производность от *яти*, *йму* 'начинать, браться'². Можно предполагать возможность аналогичного этимологического решения для рассматриваемых нами лексем, связывая их с *перея́ть* 'перехватывать, перехватить'. В то же время в этом случае неясны причины отсутствия й перед суффиксом -к- в составе двух лексем, зафиксированных в разных районах. Это обстоятельство позволяет пока предпочесть версию о производности анализируемых слов от **ękti*.

За́вить, плéто

Лексема *плéто* 'плечо' может быть рассмотрена как дериват корня **plet-* 'плести'. С точки зрения семантики появление данного значения мотивировано тем, что плечо представляется частью тела, соединяющей («сплетающей») туловище и руку. Данная лексема, в формальном плане прозрачно связанная с корнем **plet-*, может служить дополнительным аргументом в пользу предложенной Ж.Ж. Варбот этимологии слав. **pletje* 'плечо', рус. диал. *оплéка* 'оплечье' < и.-е. **plek(t)-* 'плести, связывать, спутывать'³.

Лексемы *за́веть*, *за́вить*, *заво́йка* 'запястье' могут быть квалифицированы как дериваты корня **viti* 'вить'. При этом задействуется сходный признак – 'место соединения'. В.А. Меркулова считает, что лексема *взья́* 'задняя хребтовая часть шеи' образована по модели 'соединять, связывать' → 'шея' и производно от утраченного праслав. глагола *(*v*)*uti* 'вязать, плести'⁴. Учитывая этот факт, можно предположить, что лексема *за́вить* 'запястье' реализует сходную семантическую модель. В плане словообразования в пользу подобного решения говорит наличие тождественных по форме лексем *за́веть*, *за́вить* 'соломенная обивка дверей', *заво́й* 'водоворот в реке' [ЛК ТЭ], убедительно соотносящихся с *вить*.

Вѣ́ха

Значения лексемы *вѣ́ха*, зафиксированные ТЭ на Русском Севере, можно объединить в три группы (на синхронном уровне эти три группы слов демонстрируют омонимию):

¹ См.: Варбот Ж.Ж. Лехитские этимологии // Общеславянский лингвистический атлас, 1979. М., 1981. С.317.

² См.: Петлева И.П. Этимологические заметки по славянской лексике. XV // Этимология, 1986–1987. М., 1989. С. 64.

³ См.: Варбот Ж.Ж. Заметки по этимологии русской диалектной лексики // Этимологические исследования. Свердловск, 1984. С. 17–18.

⁴ См.: Меркулова В.А. Комментарий к вопросу № 1443 Вопросника ОЛА 'шея' // Общеславянский лингвистический атлас, 1981. М., 1984. С. 295.

- 1) связка;
количество сена, захватываемое вилами за один раз;
большое (небольшое) количество чего-либо;
- 2) высокий человек;
- 3) беда, неудача;
ошибка, промах.

Значения, аналогичные тем, которые представлены в 1-й группе, зафиксированы диалектными словарями, ср.: *вѣха* 'куча, ворох, беремя, большая ноша' [Даль, 1, 338], 'небольшое количество чего-либо' [АОС, 9, 17]. С третьей группой коррелируют значения 'несчастье, беда' [СРНГ, 6, 80], 'весть, новость, чудо, диво, небывальщина' [Даль, 1, 338] и 'нечто плохое, неприятное' [АОС, 1, 17]. Значение 'высокий человек' в диалектных словарях не представлено, однако определенную связь с ним можно усмотреть в значении 'рохля, копун' [Куликовский, 14]. В словарях отмечена также еще одна омонимичная по отношению к приведенным выше лексема *вѣха* 'удар, затрещина, остолбуха, тумак' [Даль, 1, 338].

Описанные выше лексемы не имеют надежной этимологии. М. Фасмер не приводит этимологии лексемы *вѣха* 'удар, тумак', 'куча', считая это слово спорным [Фасмер, 1, 377], при этом отвергается версия А. Преображенского о связи *вѣха* 'куча' с *вязать*. Т.В. Горячева предполагает, что *вѣха* 'удар, тумак' производно от незасвидетельствованного глагола **вятъ* 'бить'; сюда же *вѣха* 'куча', если первоначальным значением *вѣха* 'куча' считать 'шишка, желвак (от удара)'¹. Данная гипотеза базируется на недостаточно надежных аргументах и не объясняет всех значений слова *вѣха*.

Нам представляется вероятным соотнесение лексемы *вѣха* (в тех значениях, которые зафиксированы ТЭ) с гнездом глагола *вязать*, учитывая возможности как фонетической, словообразовательной, так и семантической производности *вѣха* от *вязать*.

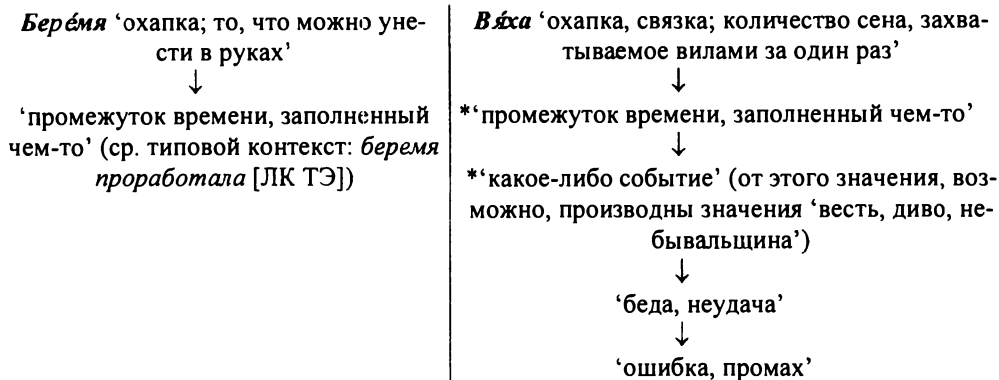
С точки зрения структуры в данной лексеме можно выделить корень *вяз-* и суф. *-х-*, ср. аналогичную форму *прѣха* (как в литературном значении, так и, например, в значении 'ленивый неповоротливый человек' [СРГСУ, 1, 42]).

Что касается семантической стороны, то наиболее убедительно выглядит производность от *вязать* таких значений, как 'связка, охапка' (отсюда 'куча', 'большое (небольшое) количество чего-либо'), ср. *вѣзаница* 'связка, охапка', *пленьца* 'большое количество чего-либо' < *плести* [ЛК ТЭ].

Значение 'высокий человек' встречается в гнездах глаголов со значением 'вертеть', 'вить' (ср. *вертѣло*, *верѣтище* 'высокий неуклюжий человек' < **vert-*, **vert-*). В данном случае это значение, вероятно, возникло через промежуточную ступень 'неуклюжий человек' (ср. значение 'рохля, копун'), которое, в свою очередь, может быть производно от значения 'охапка, связка, куча' (на базе семы неподвижности). Ср. также приведенную выше лексему *прѣха* 'ленивый неповоротливый человек' < *прѣсть*. Однако не исключено, что это значение возникло в результате аттракции к *вѣха* 'длинная жердь' → 'высокий человек' (< *вить*). Следует также привести версию Миклошича о том, что лексеме *вѣхиль* 'медлительный, вялый, неловкий человек' можно сопоставить с *вянуть* [Фасмер, 1, 377]. Наконец, необходимо упомянуть о том, что с «человеческими» значениями лексемы *вѣха* можно соотнести весьма интересное слово *некувѣха* 'плохая стряпуха', если выделить в нем префиксы *не-* и *ку-*. По модели образования это слово аналогично лексеме *прѣха* 'ленивый неповоротливый человек'.

¹ См.: Горячева Т.В. Этимологические заметки // Этимология, 1981. М., 1983. С. 73.

Значение 'беда, неудача' ('что-либо плохое, неприятное') → 'ошибка, промах', скорее всего, является производным от значения 'промежуток времени, заполненный чем-то', которое восстанавливается нами по аналогии со значениями слова *берёмя* (< *братъ*):

Связь конкретного значения 'нечто соединенное, связанное' и абстрактного 'промежуток времени' можно усмотреть также в рус. диал. *прѣжка* 'промежуток времени' [ЛК ТЭ] < *прѣсть*. Однако не исключено, что *вя́ха* 'беда', 'ошибка' и т.п. семантически связано с *вя́ха* 'удар'.

Подтверждением производности *вя́ха* от *вязать*, являются, на наш взгляд, лексемы *вя́хол* / *вя́холь* 'веревочная сетка для сена', 'сетчатый мешок, кошель для сена, сплетенный из веревок или лыка' [Даль, 1, 338; Фасмер, 1, 377], где представлена сема сплетения, соединения, связывания. Е.С. Павлова выделяет в этих словах суф. *-ол-/ -оль-* и соотносит их (правда, с сомнением) с *вя́ха* 'куча, ворох', отмечая, что дальнейшая идентификация корня вызывает затруднения¹ (о неясности связей для блр. *вя́хотка* 'куча', соотносимого с рус. диал. (влг.) *вя́ха* 'куча', говорят и авторы «Этимологического словаря белорусского языка» [ЭСБМ, 2, 336]).

Таким образом, большинство значений лексемы *вя́ха*, зафиксированных ТЭ, позволяет соотнести ее с *вязать*. Более того, можно высказать предположение о производности от *вязать* зафиксированного В.И. Далем слова *вя́ха* 'удар, тумак': семантическим подтверждением этой версии служит идиома *подвя́затъ подзатыльник* 'дать подзатыльник' [СОГ, 10, 41], а также глагол *оплестѣи* 'ударить' [ЛК ТЭ].

Однако ситуация осложняется, если учесть возможность вмешательства в описанную картину заимствований финно-угорских языков. Так, интересно в связи с этим финское прилагательное *vähä* 'небольшой, малый, скудный' [ФРС, 760], которое имеет соответствия в других финно-угорских языках и является древним германским заимствованием [SKES, 6, 1830–1831]. Значение финского слова хорошо соотносится со значением *вя́ха* 'небольшое (большое) количество чего-либо' → 'количество сена, захватываемое вилами за один раз'. При этом остальные значения рус. диал. *вя́ха* не выводятся из этого источника; география русского слова также не позволяет считать, что все омонимичные на синхронном уровне *вя́хи* связаны с финно-угорскими данными, ср.: *вя́ха*¹ 'куча, ворох' – влг., яросл. (ср. блр. *вя́хотка* 'куча'); *вя́ха*² 1) 'весть, новость' – твер., смол.; 2) 'чудо, небывалый случай' – смол., яросл.; *вя́ха*³ 1) 'несчастье, беда' – тобол.; 2) 'ошибка,

¹ См.: Павлова Е.С. Имена существительные с суффиксом *-ол-* в истории русского языка // Этимология, 1991–1993. М., 1994. С. 112.

промах' – новг.; *вяха*⁴ 'медлительный человек, рохля, копун' – олон. [СРНГ, 6, 80]. По всей видимости, можно говорить о совпадении в данной словоформе лексем разного происхождения: «количественная» семантика *вяхи* интерпретируется из финно-угорских данных (хотя может быть объяснена и на исконной почве); остальные значения позволяют говорить о связи *вяхи* с глаголом *вязать*.

Г.В. Глинских

БЕЧЕВА (БИЧЕВА)

Слово *бечева* (*бичева*) в русском литературном языке относится к числу недостаточно объясненных в этимологическом отношении по причинам как объективного, так и субъективного характера. Отметим прежде всего, что неопределенным является звуковой состав лексемы в современном языке: требует пояснений вокализм первого слога: *би-* или *бе-*? Хотя современной орфографической нормой закреплено написание *бечева*, в прошлом, как свидетельствуют источники, гласный первого слога в речевом употреблении представлен неоднозначно.

Первая известная фиксация слова в текстах относится к концу XVI в.: в «Словаре древнерусского языка» И.И. Срезневского оно приводится в форме *бечева* 'канат, веревка' с примером из источника 1598 г. [Срезневский, 3, 14] (П.Я. Черных указывает 1498 г. [Черных, 1, 88], что неточно, поскольку дата 7106 г. от сотворения мира, приведенная И.И. Срезневским, соответствует 1598 г.). В «Словаре русского языка XI–XVII вв.» приводится и более ранняя фиксация – 1593 г., со значением, которое является производным от уже приведенного: 'дорога или тропа по берегу, по которой идут люди или лошади с бечевой' [СлРЯ XI–XVII вв., 1, 183].

Важным свидетельством о звуковом составе слова в живом употреблении являются данные В.И. Даля, который считал единственно правильной форму *бичева*, специально и категорически подчеркивая (с пометой [!]) ошибочность другого варианта – *бечева* [Даль³, 4, 220]. Несомненно, утверждение В.И. Даля заслуживает внимания, поскольку основано не на единичных фиксациях и опирается на материал устного употребления. Следует учитывать также, что слово *бичева* в значении 'прочная веревка для тяги судов против воды, лошадьми или людьми' [Там же, 221] должно было бытовать главным образом в бассейне Волги, где широко использовался труд бурлаков, а волжские говоры в прошлом относились к числу окающих, что снижает вероятность икающего произношения, если даже представить, что исходной все же была форма *бечева*.

Конечно, нельзя утверждать категорически, что форма с *-и-* была первичной, поскольку возможность фонетических изменений в данном случае довольно велика, и любая из этих форм – *бечева* и *бичева* – могла родиться на базе другой: в одном случае – в результате регрессивной ассимиляции (*бичева* → *бечева*), в другом – регрессивной диссимиляции (*бечева* → *бичева*).

Не дают возможности окончательно прояснить ситуацию и данные диалектов: «Словарь русских народных говоров» приводит обе формы – *бечева* и *бичева* – со значениями, которые можно рассматривать как производные от исходного 'веревка, канат для тяги судов против течения лошадьми или людьми', причем подавляющее число фиксаций относится к бассейну Волги [СРНГ, 2, 285].